

ЖИВЫХ ВРЕМЕН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

Автор этих воспоминаний — наш земляк, ошанин. В прошлом — командир противотанкового орудия Михаил Петрович Бадигин. За боевые заслуги в годы Великой Отечественной войны он был награжден тремя орденами Славы и другими знаками воинской доблести. В составе 266-го гвардейского Нижне-Днепровского Краснознаменного орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого полка 8-й гвардейской армии ему довелось сражаться у стен Сталинграда, а затем пройти путь до Берлина.

В числе других фронтовиков — кавалеров ордена Славы — Михаил Петрович снялся в фильме-поэме «Шел солдат» и многосерийном телевизионном фильме «Солдатские мемуары», созданными на Центральной студии документальных фильмов по сценариям Константина Симонова. Фильм «Шел солдат» вышел на экраны страны к 30-летию, а «Солдатские мемуары» — к 31-й годовщине Великой Победы над фашистской Германией. О встречах, работе с Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской премии, писателем Константином Симоновым и рассказывает М. П. Бадигин.

15 ФЕВРАЛЯ 1974 года от Константина Михайловича пришло письмо. «Дорогой Михаил Петрович! В Москве, на Центральной студии кинохроники, хотят создать к тридцатой годовщине Победы в Великой Отечественной войне большой документальный фильм о рядовом советском солдате, который вынес всю эту войну на своих плечах, отступая с боями от границы до Москвы и Сталинграда, а потом гнал фашистов до Берлина. Хотят показать в этом фильме и героизм солдат, и его воинский труд, и его жизнь на войне. — в общем, хотят рассказать все как оно было.

Мне предложили быть автором этого фильма, я с охотой взялся за эту работу, понимая, конечно, что для того, чтобы его сделать, мне нужна помощь очень многих людей: участников Великой Отечественной войны, и в первую очередь, помощь бывших солдат-фронтовиков.

В самом начале работы я обратился в целый ряд военных комиссариатов в разных концах нашей страны и попросил их дать мне сведения о том, с кем бы я мог впоследствии встретиться и побеседовать из кавалеров всех трех орденов Славы, то есть людей, которые знают войну, можно сказать, «как никто другой».

Далее писатель просил меня ответить на ряд вопросов, связанных с войной. Я написал ему, что с 25 февраля по 1 марта 1974 года буду в Москве на семинаре при ЦК КПСС. 28 февраля в по-

мере гостиницы «Россия», где я остановился, раздался телефонный звонок.

— Михаил Петрович? С вами говорит директор документального фильма «Шел солдат» Татьяна Васильевна Кононова. Не сможете ли вы сегодня к 19 часам подъехать домой к Константину Михайловичу?

Бывают такие моменты в жизни, которые никогда не забываются. В чудесный зимний вечер, полный волнения, я ехал к К. М. Симонову.

Выхожу на станции метро «Аэрофлот», поворачиваю вправо, затем еще раз вправо. В каких-то двухстах шагах по улице Черняховского нахожу дом № 2, кв. 1. На двери небольшая, буквально в несколько сантиметров табличка — «К. Симонов».

Глянул на часы. До встречи еще 30 минут. Я стоял перед дверью в раздумье, звонить или погулять это время? Решаюсь позвонить. Дверь открыла седа, с молодыми лучистыми глазами женщина. Я представился.

— Проходите, будем знакомы. Я Нина Павловна Гардон, помощник Константина Михайловича. Константин Михайлович звонил и спрашивал о вас. Он минут через 15—20 придет.

Нина Павловна провела меня в кабинет К. М. Симонова. В ожидании хозяина начал рассматривать его. Убранство очень скромное. Посредине ничем не примечательный письменный стол. Обыкновенное вращающееся кресло, несколько простых стульев. Вдоль всей правой

На снимке: К. СИМОНОВ.

стены стеллажи с книгами, в углу кушетка. Ничего лишнего.

Я стал ходить вдоль книжных полок, по краям которых стояли портреты С. Есенина, В. Маяковского, Э. Хемингуэя, тут же лежали малокалиберные снаряды, гильзы, осколки. Я сардыш в этот мир и не заметил, как дверь отворилась. В кабинет вошел человек, чуть выше среднего роста, в простом, далеко не новом костюме из грубой джинсовой ткани. Это был К. М. Симонов. Бросились в глаза улыбка, красивые глаза. Он высоко держал голову и о чем-то говорил сопровождавшим его женщинам.

— Здравствуйте, Михаил Петрович, — сказал он теплым, чуть картавым голосом, протягивая мне руку. И еще сильнее заулыбался. — Вот вы какой, — сказал он доб-

родушно, необычно мягким голосом. — Вы у нас первый из полных кавалеров, которых мы хотим пригласить. Знакомьтесь, это наш режиссер Марина Михайловна Бабак, а это наш финансовый бог, директор картины Татьяна Васильевна Кононова.

Волнение, охватившее меня вначале, прошло. Константин Михайлович заговорил со мной так, как будто мы давно знакомы и не только совершенно успокоил меня, но и заинтересовал предстоящим делом. Вопросы следовали с расстановкой. При этом он очень внимательно смотрел на меня, слегка шевеля пальцами свою, беспрестанно дымящуюся курительную трубку.

Затем, горячо и взволнованно Константин Михайлович заговорил о будущем фильме «Шел солдат».

Симонов дал мне спена-

рий фильма, просил сейчас же его прочесть. У меня с собой не было очков, буквы сливались. Стал то ближе, то дальше отодвигать листы. Симонов это заметил, спросил:

— Какие носите очки?

— Плюс полтора.

— Сейчас будут. — Быстро подошел к стеллажам, отыскал нужные очки и подал мне.

В этот вечер мы более трех часов проговорили, а вернее, большую часть этого времени я отвечал на вопросы Константина Михайловича. Беседа записывалась на магнитофонную ленту. Татьяна Васильевна и Марина Михайловна в разговор не вмешивались, сидели и слушали. Симонову приходилось то и дело ковыряться в магнитофоне, который часто заедало. В конце концов он отставил его, принес другой.

Сейчас, когда пишу эти воспоминания, передо мной лежит сокращенный текст этой беседы, переписанный с магнитофонной ленты. Этот текст я выпросил у Константина Михайловича спустя полтора года. О том, что текст этот был хорошо изучен писателем, говорят 87 пометок фломастером на его полях.

Беседа подошла к концу. Константин Михайлович поблагодарил меня за ответы, потом улыбнулся, сказал:

— Вы не против, если я вам подарю свою книгу «Военная лирика».

Симонов вынул с книжной полки книгу и быстро на первой странице написал: «Михаилу Петровичу Бадигину на добрую память. Константин Симонов. 28.2.74».

Я стал прощаться. И здесь меня снова поразила простота Константина Михайловича. У вешалки он все время пытался помочь мне надеть пальто. Потом пошел провожать. Я был крайне смущен и категорически протестовал, просил его не тревожиться, вернуться к делам.

В первых числах июня 1974 года, не дожидаясь вызова на киносъемку, я взял отпуск и вылетел в Кироводец. По пути остановился у сына в Москве. На сле-

дующий день мы поехали к Симонову, чтобы вручить ему наш подарок (такого сувенира в его коллекции не было) — немецкий автомат с намертво приваренным затвором. Сын привез его из Калининграда, где был на сборах. К сожалению, Константина Михайловича дома не оказалось.

Через день меня разыскали по телефону и сказали, что начинаются съемки фильма «Шел солдат». Один из сюжетов предполагалось снять в номере гостиницы Советской Армии. Номер состоял из двух больших комнат, соединенных между собой арочным проемом. Ровно в 9 часов утра пришел Константин Михайлович.

— Здравствуй, Михаил Петрович, — приездом, — жмет руку. — Спасибо за подарок, а вот это тебе.

Он протянул круглую настольную медаль. На ее лицевой стороне портрет А. С. Пушкина. Медаль была отлита в честь 275-летия со дня рождения великого поэта.

— Ну что, — говорит Константин Михайлович, — будем приступать к делу?

В правой от входа в номер комнате, застланной ковром, установили журнальный столик, два кресла, микрофон. В одно из кресел сел Константин Михайлович, в другое усадили меня. В арочном проеме хозяйничал оператор Владимир Григорьевич Альтшулер. Синхронные съемки начались. Симонов задавал вопросы, я на них отвечал.

Подошла звукооператор. — Михаил Петрович, все хорошо, даже замечательно, но когда говорите, наблюком туфли не пристукивайте по ковру, это при записи звука слышно.

Симонов, видать, понял и оценил мое положение. И как только звукооператор ушла в другую комнату, он расшнуровал туфли, снял их и бросил в угол комнаты.

— Михаил Петрович! Разувайтесь, а то вы или будете думать что отвечать, или о том, стучат или не стучат по ковру ваши туфли.

Я сделал то же самое, что и Симонов, но туфли оставил под столиком.

— А вы то зачем разу-

лись? — спросил я Константина Михайловича.

— Пусть ноги отдохнут, — сказал он.

В перерыве попросил Симонова:

— Константин Михайлович! Скажите заранее, какие вы будете вопросы задавать, чтобы я мог их обдумать?

— Нет, Михаил Петрович, мы делаем как раз то, что надо, — документ, а не подделку его.

В тот день съемки длились более трех часов. Получилось так, что я, как мне показалось, рассказал почти все: с чего начал и где кончал войну.

После съемок улетел отдыхать. Но оказалось, у Симонова еще было много ко мне вопросов. Потом еще не раз приходилось по его просьбе летать в Москву. Съемки проходили в кабинете Симонова, на Красной площади, у Кремлевской стены и других местах.

Симонов расспрашивал нас, сорок солдат девятнадцати национальностей, но хотел рассказать о миллионах. Стремясь рассказать обо всех, хотел создать обобщенный образ солдата Великой Отечественной войны — единый, символический.

В середине апреля 1975 года я получил письмо от Константина Михайловича: «Дорогой Михаил Петрович! Наш коллектив закончил на Центральной студии документальных фильмов работу над картиной «Шел солдат». Нам хотелось не только известить Вас об этом, но сказать Вам, что мы все с удовольствием вспоминаем встречи с Вами во время работы над фильмом, благодарим Вас за помощь и участие. От души знаем Вам, человеку так много сделавшему для Победы в годы этой трудной для нашего народа войны, здоровья и счастья. По поручению всего коллектива, работавшего над фильмом «Шел солдат», уважающий Вас К. Симонов». В конверте было вложено приглашение на торжественную премьеру нашего фильма.

М. БАДИГИН,
кавалер трех орденов
Славы.

г. Ош

Соб. репр. сценария 1981, 22 июля